

Силин В.В. ПОНИМАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Изучение литературного текста представляет собой процесс, состоящий из Чтения, Понимания и Интерпретации. Чтение текста является самой простой, «технической» процедурой в данной триаде. Греймас и Курте определяют ее следующим образом: «При первом приближении под **чтением** понимают процесс узнавания графем (или букв) и их логической связи, которая имеет целью трансформировать страницу, украшенную нарисованными значками, в план выражения текста» [2, с. 206]. Параллельно с Чтением текста происходит его Понимание, которое Е.А. Цурганова характеризует как «процесс познания «внутреннего содержания» жизненного факта с помощью внешних знаков, воспринимаемых нашими чувствами» [28, с. 319]. Понимание *имплицитно* по своей природе и проявляется только в устной или письменной Интерпретации текста. Но для Интерпретации характерна множественность толкований одного текста, что указывает на *субъективность* всего процесса Чтения, Понимания и Интерпретации. По мнению Гадамера, «всякое понимание есть интерпретация, и всякая интерпретация движется в медиуме языка, которым говорит предмет и который в то же время является языком интерпретатора» [1, с. 451]. Связано это, с одной стороны, с тем, что в идеале Понимание требует, как отмечают Греймас и Курте, «компетенции читателя, сравнимой, хотя и не обязательно идентичной, с компетенцией создателя текста», но на деле компетенции автора и читателя никогда не совпадают [2, с. 206]. С другой стороны, Интерпретация требует творческого подхода, так как каждый исследователь применяет для толкования текста определенную исследовательскую методологию. Как пишет Хализев, «интерпретация сопряжена с *переводом* высказывания на иной язык (в другую семиотическую область), с его *перекодировкой* (если воспользоваться термином структурализма)» [25, с. 129]. Отмеченные особенности Интерпретации показывают, что она зависит от концепции Понимания, на которую ориентируется исследователь, и от применяемых им методологических принципов. Поэтому, если определить, на какие концепции Понимания опираются основные направления изучения литературы – контекстуальное, имманентное и интертекстуальное, то возможно, очевидно, объяснить актуальную проблему эпистемологической эклектики, которая царит в современном литературоведении, несмотря на то, что каждая новая методология формировалась на отрицании предшествующих.

1. В герменевтической традиции от Шлейермахера до Хайдеггера Понимание определяется как *реконструкция*, то есть восстановление смысла, заложенного автором в тексте. При этом Шлейермахер учитывал как объективную сторону процесса (план содержания), так и субъективную (план выражения). Как пишет Цурганова, «с объективной стороны это осуществляется через понимание языка автора, с субъективной – через знание фактов его внутренней и внешней жизни» [27, с. 163]. Такое Понимание проявилось в двух направлениях Интерпретации: первое ориентировано на определение мировоззрения автора на основании изучения текста (движение от объективного к субъективному); второе состоит в толковании текста на основании информации об авторе, то есть о его эстетических принципах, идеологических взглядах, особенностях его психологии (движение от субъективного к объективному).

Следует отметить, что первая стратегия Понимания сложилась только в XIX веке. Дело в том, что до XVIII века литературная критика была в основном *нормативной*, когда изучаемые произведения просто сопоставлялись с жанровыми образцами, которые считались наиболее совершенными. И только с XIX века критика признает право автора на самостоятельное творчество и становится *интерпретирующей*. С этого времени Интерпретация ориентируется на *контекстуальное* изучение произведений, для которого характерно их толкование на основе экстратекстуальной информации, и, прежде всего – на знании биографии автора. В наибольшей степени Понимание как реконструкция смысла, заложенного автором, проявилось в биографическом методе Огюстена Сент-Бёва. Он создал серию биографических портретов писателей и использовал биографические данные индивидуально-психологического и культурно-исторического характера для исследования их произведений. Исследовательская цель Сент-Бёва была грандиозной. Как свидетельствует Анри Лемэтр, он стремился создать «литературную науку», которая должна была состоять из классификации авторов – «естественных духовных семейств», которые служат контекстом для исследования произведений, и из произведений как «литературных видов», изученных на основе анализа биографий писателей [3, с. 309].

Дильтей ввел в процесс реконструкции смысла новый компонент – *субъективный* опыт интерпретатора. Как отмечает М.А. Можейко, «Интерпретация, по Дильтею, предполагает двухэтапное «перемещение» текста: во-первых, аппликация его на «опыт Автора» (как в индивидуально-психологической, так и в культурно-исторической его артикуляции), совмещение текста с узловыми семантическими и аксиологическими значениями этого опыта, и, во-вторых, последующая аппликация его на личный опыт интерпретатора, реконструкция в нем указанных узловых значений». Это означает, что интерпретатор получил право использовать собственные знания для толкования произведений, несмотря на то, что его эстетические и идеологические позиции могут расходиться с авторскими. Тем не менее, в Интерпретации «важнейшей фигурой» Дильтей считал все-таки автора [19, с. 332].

Показательно, что новое представление о реконструкции смысла было предложено Дильтеем во второй половине XIX века, когда европейское общественное сознание пришло к идее, что литературные произведения могут быть интерпретированы с различных научных позиций. Именно в этот период стали складываться различные методологии, опирающиеся на последние научные открытия: культурно-историческая школа Ипполита Тэна, сравнительно-историческая школа Бенфея и Веселовского, психологическая школа Вундта и Поттебни и другие.

2. Создатель философской герменевтики Гадамер исключил опыт автора из процесса Понимания и Интерпретации, представив Понимание как *конструкцию*. По его мнению, интерпретатор не реконструирует смысл, заложенный автором, а конструирует собственный, опираясь на свой субъективный опыт, который формирует его «предпонимание». В основе такого подхода к проблеме Понимания лежит *феноменологическая редукция*, которая требует исключения из Интерпретации «оболочки», то есть части контекста, основанной на обыденном ненаучном опыте. Именно таким, ненаучным, иллюзорным, Гадамер считал представление предшествующей герменевтики о «прозрачности души», которая якобы позволяет интерпретатору проникать в мир автора. В.С. Малахов объясняет идею Гадамера следующим образом: «Вывод Гадамера предельно прост: основной герменевтической процедурой является не перемещение, а применение (Anwendung). Дело заключается не в том, чтобы отождествить себя с автором и тем самым преодолеть зазор между его и своим опытом, а в том, чтобы, отдавая себе отчет в неустранимости этого затора, применить опыт автора к себе. Герменевтическое усилие направлено не на то, чтобы переместиться в ситуацию автора, а на то, чтобы отнести несомое им сообщение к своей собственной ситуации. Иными словами, цель интерпретации Гадамер усматривает не в «воспроизведении», а в «произведении» смысла. Или, иначе, свою основную задачу философская герменевтика видит не в *реконструкции* (замысла), а в *конструкции* (смысла)» [17, с. 329].

Концепция Гадамера доказывает, прежде всего, что одного, «правильного» толкования текста не существует, поскольку каждый интерпретатор опирается на свой опыт, отличный от опыта других. Как отмечает Малахов, для Гадамера «процесс понимания текста неотделим от процесса самопонимания читающего» [16, с. 147]. Однако это не означает, что Гадамер предоставил интерпретатору полную свободу толкования произведений, потому что, исключив автора из процесса Понимания и применив феноменологическую редукцию, он сместил акцент исследования на *текст*. По замечанию Малахова, у Гадамера «в ходе истолкования речь идет о понимании того предметного содержания (Sache), которое несет в себе текст и которое не зависит ни от наших интенций, ни от интенций автора» [16, с. 147]. Или, другими словами, «истолкованию в его герменевтике подлежит не то, что хотел сказать автор текста, а то, что в этом тексте «хотело сказать» [17, 330]. Новое представление текста оказалось методологически продуктивным для исследовательских направлений, которые предложили *имманентное* изучение текста, так как именно в нем они видели возможность объективного Понимания, а не в контекстуальном изучении, умножающем количество Интерпретаций, опирающихся на субъективный опыт интерпретатора и на произвольное привлечение данных разных наук.

Первыми отказались от контекстуального изучения представители русской формальной школы, решив превратить литературоведение в настоящую науку. Эта школа зародилась в 1914 году вместе с выходом в печать статьи Виктора Шкловского «Воскрешение слова» и прекратила свое существование в 1930 году по решению выхода статьи «Памятник одной научной ошибке», в которой он отказался от своих взглядов. В Петербурге формальная школа была представлена ОПОЯЗ – Обществом изучения поэтического языка (Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов и др.), в Москве возник МЛК – Московский лингвистический кружок (В.М. Жирмунский, Р.О. Якобсон и др.). Как отмечает Вадим Руднев, «формальная школа резко отмежевалась от старого литературоведения, лозунгом и *смыслом* ее деятельности объявлялась спецификация литературоведения, изучение морфологии художественного текста» [22, с. 522]. Примеру формалистов последовала французская структурно–семиотическая школа (К. Леви-Стросс, Р. Барт и др.), которая, как отмечает Можейко, рассматривает текст «как самодостаточную реальность, при Интерпретации которой процедура возведения к Автору является избыточной, ибо смысл текста задается факторами не индивидуально–психологического, но объективно–структурного характера» [19, с. 332].

3. Постструктуралисты определили Понимание как *деконструкцию*. Такое представление о Понимании вывел Жак Деррида в дискуссии со структурализмом. Опираясь на идею Фердинанда де Соссюра об отсутствии естественной связи между означающим (signifiant) и означаемым (signifié), Деррида лишил знак реферативной функции, считая, что он не способен адекватно отражать действительность, потому что отделен от нее во времени и пространстве и поэтому превращается в след (tracé) или грамму (gramme) означаемого, то есть в некий «интервал, разделяющий знак и обозначаемое им явление» [10, с. 138]. Как отмечает Зоя Митосек, «Gramme – не означающее, не означаемое, не знак, не вещь; не присутствие, не отсутствие; не утверждение, не отрицание. Это элемент в сети опосредований» [15, с. 358]. В результате, если структуралисты выражали отношение между означающим и означаемым понятием «значение» (signification), то постструктуралисты заменили его понятием «означивание» (signifiance), которое выводится из отношений только означающих. По мнению Дерриды, любой текст представляет собой просто игру означающих, заимствованных из разных текстов, то есть из интертекста, который он называет также «всеобщим текстом» (texte général). «Для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность», – заявлял Деррида [11, с. 74]. Функция автора, как создателя собственного текста, в теории постструктурализма сводится только к трансформации других текстов, поэтому он не выражает себя, а создает впечатление субъективности. Зоя Митосек характеризует это представление постструктурализма следующим образом: «То, что субъект хотел бы сказать или выразить, есть разновидностью иллюзии, неосознанного внедрения во «всеобщий текст». Каждая попытка артикуляции – это написание заново того же самого текста» [15, с. 358].

Следствием такого отношения к тексту явилось отрицание самой возможности Понимания его смысла, так как из коммуникативной триады постструктуралисты оставили только интерпретатора, который, по их мнению, привносит в Интерпретацию свое произвольное, не связанное с текстом толкование. Как отмечает Можейко, в постструктурализме Интерпретация понимается «как наполнение текста смыслом – вне поста-

новки вопроса о правильности, т.е. соответствии некоему исходному, «истинному» значению» [19, с. 332]. И гарантом объективности такой Интерпретации текста является интертекст. Это означает, что метод постструктурализма основан на *интертекстуальном* изучении литературы, то есть на фиксации в текстах цитаций, заимствованных из интертекста.

4. Хализев считает приоритетным *имманентное* изучение литературы, так как оно у него «сопровождается и подкрепляется» контекстуальным [25, с. 304]. Что касается *формализма*, то его методология в процессе развития вышла за пределы имманентного изучения. Формалисты вначале нашли необходимую научную объективность в языковом строе литературных произведений. Как писал критик формализма П.Н.Медведев, «учение об особенностях поэтического языка составляет фундамент, на котором держится все здание русского формализма» [18, с. 75]. Своеобразием поэтического языка, с точки зрения формалистов, является его отклонение от общепринятой нормы. Они ввели в обиход, в частности, понятие о «заумном языке». Затем формалисты перешли к изучению сюжета; как пишет Медведев, «именно на проблеме сюжета совершился переход формалистов от поэтического языка к поэтической конструкции произведения» [18, с. 74]. Произведение они стали рассматривать как совокупность приемов, и универсальным приемом конструкции художественного текста считалось открытое Виктором Шкловским «остранение», которое, как и заумь, представляется отклонением от общепринятых форм изображения. Шкловский рассматривал «остранение» как некоторое усложнение образа или как его «своеобразное семантическое изменение», которое позволяет по-иному посмотреть на привычные вещи [29, с. 23]. Критикуя Шкловского, М.М. Бахтин заявил, что подобное «семантическое изменение» формы в пределах одного текста может служить только приемом создания иносказания, так как «материал становится *условным*» [6, с. 61]. Это мнение Бахтина подтверждается, в частности, творчеством Бертольта Брехта, который использовал аналогичный «остранению» прием *отчуждения* (*Verfremdung*) именно как условность, необходимую для создания иносказания в своих философских драмах.

Далее исследование формалистов вышло за рамки одного произведения. Считая, что «целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание», Шкловский ввел понятие «выведение из автоматизма», состоящее в том, что писатель должен постоянно, от произведения к произведению, отходить от привычных для читателя форм, обновляя их с помощью приема остранения [29, с. 15]. «Выведение из автоматизма» показало, что исследование из имманентного превратилось в контекстуальное, так как проблема привыкания к одному приему и восприятия другого как обновленного связана с психологией. На этот факт обратил внимание Бахтин: «Так называемое «остранение» формалистов в основе своей попросту не совсем методически ясно выраженная функция изоляции в большинстве случаев неправильно отнесенная к материалу: остраняется *слово* путем разрушения его обычного семантического ряда: иногда, впрочем, остранение отнесено и к предмету, но понимается грубо психологически: как выведение предмета из его обычного восприятия (обычное восприятие, конечно, столь же случайно и субъективно, как и необычное)» [6, с. 59–60]. Медведев также отмечает эту особенность формализма: «Именно психологического субъективизма формалисты и не преодолели. Наоборот, литература, оторванная от идеологического мира, превратилась у формалистов в какой-то возбудитель субъективных психофизических состояний – ощущений» [18, с. 142]. Именно это привело Медведева к выводу, что «литературная эволюция, как ее понимают формалисты, не может быть названа имманентно-литературной», потому что она у них объясняется «не специфической природой литературы, а психическим законом «автоматизации – ошутимости», законом самого общего характера, который ничем не связан со спецификой литературы» [18, с. 157].

5. Единственным в достаточной мере разработанным методом имманентного изучения до сих пор остается *структурализм*. Если формалисты характеризовали особенности литературного языка и «конструкцию» произведения, обращая внимание только на его *внешние* формальные признаки, а именно на отклонения от нормы, или «нарушения», оперируя такими понятиями, как «заумный язык» и «остранение», то структурализм ориентируется на *внутренние* смыслопорождающие структуры текста, определяющие всю сложность литературного дискурса. Это представление хорошо описал Ю.М. Лотман:

«Поэтическая речь представляет собой структуру большой сложности. Она значительно усложнена по отношению к естественному языку. И если бы объем информации, содержащейся в поэтической (стихотворной или прозаической – в данном случае не имеет значения) и обычной речи был одинаковым, художественная речь потеряла бы право на существование и, бесспорно, отмерла бы. Но дело обстоит иначе: усложненная художественная структура, создаваемая из материала языка, позволяет передавать такой объем информации, который совершенно недоступен для передачи средствами элементарной собственно языковой структуры. Из этого вытекает, что данная информация (содержание) не может ни существовать, ни быть передана вне данной структуры. Пересказывая стихотворение обычной речью, мы разрушаем структуру и, следовательно, доносим до воспринимающего совсем не тот объем информации, который содержался в нем» [14, с. 17–18].

Тот «объем информации», характерный для литературного дискурса, о котором писал Лотман, выражается в связях или функциях компонентов структуры текста. Чтобы показать это, он ссылается на слова Льва Толстого: «Толстой необычайно ярко сказал о том, что художественная мысль реализует себя через «сцепление» – структуру – и не существует вне ее, что идея художника реализуется в его модели действительности» [14, с. 18].

Важнейшим достижением структурной поэтики, как отмечает Руднев, является то, что она «вернула литературе ее достоинство – ее художественность» или «литературность», которую Тодоров определяет как «абстрактное свойство, которое составляет неповторимость литературного факта» [22, с. 438; 5, с. 20]. А критика структурализма, так как она представлена в книге «Структурализм: «за» и «против» (1975), касает-

ся, в основном, крайностей, которые подстерегают его методологию. Во-первых, существует риск «возврата к формализму» ввиду абстрактности структур; во-вторых, – риск «идеалистического априоризма», если абстрактные структуры определяются гносеологически первичными; в-третьих, – «опасность антипсихологизма», когда изучается только текст; в-четвертых, – «антиисторизм», если синхроническое исследование преобладает над диахроническим [24, с. 14–16]. Отмеченные крайности происходят от того, что, как отмечает Зофия Митосек, «ни структурализм, ни семиотика в принципе не были литературоведческими дисциплинами», что они «очень быстро стали междотраслевыми методами и таким образом попали в традиционную проблематику теории литературы» [15, с. 223].

Критика структурализма со стороны представителей постструктурализма состоит в основном в отрицании структурной «правильности» и однозначности анализируемых текстов, противоречащих их реальной многозначности, которая выявляется в толкованиях текстов разными интерпретаторами. По свидетельству Зофии Митосек, Жак Деррида считал структурную модель «пародией» на живое высказывание, поскольку, по его мнению, многозначность высказывания не вмещается в рамки этой модели [15, с. 357]. Действительно, любая структурная модель абстрактна и редуцирована, и не отражает всю многозначность высказывания или текста, однако структурализм предполагает воссоздание многозначности в множественности моделей. Кроме того, например, существуют литературоведческие работы, в которых исследуются структуры текстов, порождающие многозначность. Среди них можно назвать книгу «Проблемы поэтики романов Достоевского» (1963) Михаила Бахтина, который определяет произведения как монологические (однозначные) и диалогические (многозначные) [7].

6. Полноправным представителем *интертекстуального* изучения является постструктурализм, который, как известно, вышел из структурализма, когда отказался от имманентного изучения литературы в пользу интертекстуального. В данном отношении можно заметить одну интересную тенденцию: формализм покинул пределы имманентного изучения аналогично постструктурализму, потому что, как писал Медведев, для русских формалистов «в художественном творчестве нет никакого творчества: оно пользуется уже сотворенным, уже «сделанным», как материалом для создания осязаемости этого «построения» с помощью всяких отрицательных приемов, всяческих нарушений и торможений» [18, с. 90]. В «сотворенном» у формалистов вполне узнается нечто подобное на интертекст. Отличие между подходом формалистов и постструктуралистов состоит в том, что у первых заимствование рассматривается как диалектическая форма, в которой предыдущий опыт отрицается с помощью «всяческих нарушений и торможений», способствуя тем самым поступательному развитию литературы; у вторых заимствование не означает отрицания предыдущего опыта, а служит созданию повторений и различий, сравнений и противоречий, постоянно отсылая к интертексту.

Постструктуралисты отказались от «объясняющей» Интерпретации, их анализ, как пишет Можейко, состоит в том, чтобы «произвести подвижную структуриацию текста (структуриацию, которая меняется от читателя к читателю на протяжении Истории), проникнуть в смысловой объем произведения, в процесс означивания» [19, с. 824]. Иными словами, такой анализ нацелен не на Понимание смысла текста в целом, а на определение его *функциональной* модели, в которой игра означающих порождает множество смыслов. Процесс означивания предусматривает, по Барту, три условия: «1) презумпция семантической открытости текста: «основу текста составляет не его закрытая структура, поддающаяся исчерпывающему изучению, а его выход в другие тексты, в другие коды, в другие знаки»; 2) презумпция интертекстуальности: «текст существует лишь в силу межтекстовых отношений»; 3) презумпция принципиальной неполноты любого прочтения текста [...]: «потеря смыслов есть в известной мере неотъемлемая часть чтения: нам важно показать отправные точки смыслообразования, а не его окончательные результаты» [20, с. 824]. Как подчеркивает Можейко, «Интерпретация в рамках такого подхода к тексту возможна лишь как метафорическое или условное (в дань традиции) обозначение процедуры «деконструкции» текста, предполагающей его «децентрацию» (деструкцию) и последующую вариативность «центраций» (реконструкций) вокруг тех или иных произвольно выбранных семантических узлов, что задает безграничную вариативность прочтения (Деррида)» [19, с. 332].

7. *Контекстуальное* изучение Хализев считает дополнительным к имманентному, очевидно, потому, что оно опирается не на текст, а на контекст произведения, который чрезвычайно широк. По его определению, это «бескрайне широкая область связей литературного произведения с внешними ему фактами как литературными, текстовыми [...], так и внелитературными и внетекстовыми (биография, мировоззрение, психология писателя, черты его эпохи, культурная традиция, которой он причастен)» [26, с. 291]. Поэтому, как объясняет исследователь, во-первых, «контекстуальное рассмотрение литературных произведений, что самоочевидно, не может быть исчерпывающе полным: оно по необходимости избирательно»; во-вторых, «отрываясь от текстово-смысловой конкретики, оно рискует оказаться чем-то вроде музыкального аккомпанемента без мелодии, а в худшем случае – обернуться произвольно-игровым фантазированием (в особенности при исключительной сосредоточенности литературоведа на удаленных контекстах)» [25, с. 306]. Ввиду необъятности контекста, считает он, «в каждом отдельном случае литературовед сосредоточивается на каких-то немногочисленных гранях общего контекста рассматриваемых произведений» [25, с. 306].

На первое место в контексте Хализев ставит Историю: «Дело в том, – пишет он, – что литературовед (подобно любому другому читателю) обречен воспринимать создания прошлых эпох прежде всего глазами *своей* современности, которая, как уже говорилось, переакцентирует, видоизменяет и достраивает давние художественные творения. В то же время интерпретатор произведения призван осмыслить сотворенное ранее как феномен *того* времени». При этом Хализев призывает учитывать также «удаленные» контексты, а

именно, «восходящие к архаике мифопоэтические универсалии, именуемые архетипами» [25, с. 305]. На последнее место он поставил контекст творчества писателей, так как информация биографического характера, по его мнению, представляет собой лишь «*сопровождение* имманентного рассмотрения произведений» [25, с. 306].

Известные эстетические и идеологические установки писателей, конечно, могут существенно способствовать адекватной Интерпретации произведений, но нет никаких оснований полностью связывать особенности сюжета с личностью Автора. К подобному контекстуальному изучению литературы, опирающемуся на биографии писателей, обращаются до сих пор, но с большой осторожностью, так как большим недостатком такого подхода считается субъективизм, проявляющийся в произвольном и одностороннем выборе средств анализа. Марсель Пруст, который протестовал против его отождествления с героем романа «В поисках утраченного времени», в своем эссе «Против Сент-Бёва» (1954) обосновал ошибочность такой методологии. Он считал, что метод Сент-Бёва, как отмечает Лемэтр, «не может постичь сердце художественного произведения ввиду неспособности определить его генезис и проникнуть в глубины творчества» [3, с. 312].

Таким образом, исследовательские методологии литературоведения делятся на относящиеся к *контекстуальному*, *имманентному* или *интертекстуальному* изучению литературы в соответствии с их ориентацией на различные доказательные базы – контекст, текст и интертекст. При этом контекстуальное изучение опирается на Понимание как *реконструкцию* смысла, заложенного автором в произведении; имманентное – на Понимание как *конструкцию* смысла на основе анализа текста произведения; интертекстуальное – на Понимание как *деконструкцию* текста, многозначность которого доказывается интертекстом. Контекстуальное изучение отличается *субъективностью*, так как пользуется произвольно выбранным *контекстом*; имманентное и интертекстуальное, напротив, *объективны*, так как первое черпает документальную доказательность в *тексте*, а второе – в *интертексте*.

Как показывает проведенный анализ, все три направления изучения литературы имеют достоинства и недостатки, однако все исследовательские методологии литературоведения способны сочетаться и тем самым компенсировать недостатки друг друга ради полноты и адекватности Интерпретации. Эта способность определяется тем, что они ориентируются на *различные* концепции Понимания – реконструкция, конструкция и деконструкция, и обращаются к *различным* доказательным базам – контекст, текст и интертекст. Так, очевидно, можно объяснить методологический эклектизм, существующий в современном литературоведении.

Источники и литература

1. Gadamer H.G. Wahrheit und Methode. – Tübingen, 1960.
2. Greimas A.J., Courtés J. Sémiotique : dictionnaire raisonné de la théorie du langage. – P. : Hachette, 1993.
3. Lemaitre, Henri. Du Romantisme au Symbolisme. – P. : Bordas, 1982.
4. Riffaterre M. La syllepse intertextuelle // Poétique. – Paris: 1979, № 40.
5. Todorov, Tzvetan. Qu'est-ce que le structuralisme? 2. Poétique. – P. : Ed. du Seuil, 1968.
6. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. лит., 1975.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Сов. писатель, 1963.
8. Дранов А.В. Горизонт ожидания // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М.: Интрада – ИНИОН, 1996.
9. Дранов А.В. Рецептивная эстетика // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М.: Интрада – ИНИОН, 1996.
10. Ильин И.П. След // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М.: Интрада – ИНИОН, 1996.
11. Интервью с Жаком Деррида // Мировое дерево. 1/92. М., 1992.
12. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
13. Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л.: Просвещение, 1980.
14. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970.
15. Мітосек, Зофія. Теорії літературних досліджень. – Сімферополь: Таврія, 2003.
16. Малахов В.С. Герменевтика // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. – СПб.: Университетская книга, 1998.
17. Малахов В.С. Философская герменевтика Ганса Георга Гадамера // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991.
18. Медведев П.Н. Формализм и формалисты. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.
19. Можейко М.А. Интерпретация // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001.
20. Можейко М.А. Текстовый анализ // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001.
21. Науман, Манфред. Литературное произведение и история литературы. – М.: Радуга, 1984.
22. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 2003.
23. Словарь литературоведческих терминов. Ред. Л.И.Тимофеев и С.В.Тураев. – М.: Просвещение, 1974.

24. Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975.
25. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. – 4–е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2004.
26. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. – Изд. второе. – М.: Высш. шк., 2000.
27. Цурганова Е.А. Интерпретация // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Интрада, 2004.
28. Цурганова Е.А. Понимание // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Интрада, 2004.
29. Шкловский В.Б. О теории прозы. – М.: Сов. писатель, 1983.